

Вторникъ, 6-го Юля 1904 года № 6356.

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ

Вторникъ, 6-го Юля 1904 года № 6356.

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

Вколо жизни.

Чеховъ.

(Изъ личныхъ воспоминаній).

IV *).

— Чеховъ молчаливъ и необщителенъ.

Эта весьма распространенная легенда о характерѣ Чехова создавалась, вѣроятно, на томъ основаніи, что съ Чеховымъ всѣ пытались бесѣдовать о... Чеховѣ.

Въ этихъ случаяхъ Чеховъ дѣйствительно былъ молчаливъ и необщителенъ.

Съ Чеховымъ можно было вести живую, увлекательную бесѣду о чемъ угодно и сколько угодно.

Но только не о... Чеховѣ.

Ни о немъ лично, ни о его произведеніяхъ, ни о его планахъ и намѣреніяхъ.

Даже, казалось-бы, такой простой и естественный вопросъ, какъ:

— Надъ чѣмъ вы, А. П., сейчасъ работаете? —

Былъ ему неприятенъ.

И Чеховъ уклонялся отъ отвѣта.

Въ московскихъ газетахъ только что появилось тогда сообщеніе, что Чеховъ закончилъ пьесу „Вишневый садъ“ для Художественнаго театра.

Сгораемый интересомъ къ новому произведенію великаго писателя я, естественно, попытался узнать отъ Чехова его содержаніе, идею и т. д.

— Право же, всѣ эти сообщенія страшно преждевременны... Я вообще не понимаю, къ чему весь этотъ предварительный шумъ... Достаточно, если шумятъ послѣ того, какъ произведеніе увидѣло свѣтъ... А то—произведеніе еще недописано, неизвестно, будетъ-ли закончено, увидитъ-ли свѣтъ; будетъ-ли поставлено и когда, а въ печати уже извѣстіе за извѣстіемъ... Завтра начнутъ передавать его содержаніе „по слухамъ“... Согласитесь, что все это не можетъ быть пріятно автору...

Если въ самомъ дѣлѣ подумать!

— По слухамъ, А. П. пишетъ новую пьесу „Вишневый садъ“ изъ жизни оскудѣвшаго дворянства.

Сенсація!

Найдется газета, которая, сенсаций ради, сочинитъ въ прстивовѣсь замѣтку слѣдующаго, примѣрно, содержанія.

— А. П. Чеховъ, какъ мы слышали, отказался отъ своего намѣренія писать пьесу и работать въ настоящее время надъ большою повѣстью изъ деревенской жизни.

Третья газета:

— Пьеса „Вишневый садъ“ уже закончена. Намъ удалось ознакомиться съ ея содержаніемъ...

Содержаніе пьесы, которое передается со словъ третьяго лица!..

Можете себѣ представить, сколько въ этомъ содержаніи отступленій отъ истиннаго содержанія пьесы и погрѣшностей противъ авторскихъ мыслей...

Вы, вѣроятно, помните еще инцидентъ, предшествовавшій постановкѣ „Вишневаго сада“.

Въ одной изъ московскихъ газетъ подробнѣйшимъ образомъ было предварительно изложено содержаніе „Вишневаго сада“.

— По слухамъ.

Газета эта дошла до Ялты.

Чеховъ, прочитавъ содержаніе своей пьесы въ газетѣ, пришелъ въ ужасъ:

— Но я ничего подобнаго не писалъ!...

И одинъ изъ крымскихъ журналистовъ, пріятель А. П., по уполномочію послѣдняго, разослалъ въ редакціи газетъ телеграфное опроверженіе:

— Уполномоченъ А. П. Чеховымъ заявить, что переданное московской газетой содержаніе „Вишневаго сада“—сплошной вымыселъ. Ничего, подобнаго рассказанному, въ пьесѣ Чехова нѣтъ.

Это былъ шаржъ.

Не было „соломшаго вымысла“.

Содержаніе было газетой нѣсколько искажено...

Но... „ничего подобнаго“!..

Однако, телеграмма, разосланная ялтинскимъ журналистомъ, была редактирована самимъ Чеховымъ.

И это только доказываетъ, какъ чувствителенъ былъ Чеховъ къ малѣйшему искаженію его мыслей, его формы...

Достаточно было измѣнить одинъ штрихъ, чтобы у Чехова вырвался крикъ боли:

— Ничего подобнаго!..

Это шаржъ, если говорить вообще.

Но это естественно и понятно, когда рѣчь идетъ о Чеховѣ.

Здѣсь малѣйшая неточность, отступленіе отъ замысла, опущенная деталь разбиваетъ все впечатлѣніе!

И получается именно:

— Ничего подобнаго.

Чеховъ страдалъ отъ сознанія, что не въ состояніи лично руководить каждой постановкой каждой его пьесы на каждой сценѣ.

— Я никогда не видѣлъ—говорить онъ—какъ ставятся мои пьесы въ провинціи... Но воображаю!.. Я вообще думаю, что ни одна пьеса даже самымъ талантливымъ режиссеромъ не можетъ быть поставлена безъ личнаго руководства и личныхъ указаній автора... Толкованія бываютъ различныя, но авторъ вправѣ требовать, чтобы пьеса ставилась и роли исполнялись исключительно по его толкованію... Необходимо, чтобы настроеніе получилось именно такое, какое имѣлъ въ виду авторъ... Я говорю не о себѣ только, а говорю вообще. Мнѣ извѣстно, что у сценическихъ дѣятелей на этотъ счетъ взглядъ совершенно другой.

„Править автора“—пріемъ, получившій на русской сценѣ, особенно на провинціальной, право гражданства... Одинъ очень видный режиссеръ объ одной пьесѣ мнѣ недавно говорилъ: „Я ее читалъ, читалъ, позв кое-какъ не считалъ шереховатости автора“...

Эти самовольно присваиваемыя себѣ режиссеромъ редакторскія права поистинѣ возмутительны. Одно изъ двухъ: если пьеса не сценична и не литературна—не ставь ее вовсе. Если она интересна—тогда представь ее зрителю въ такомъ видѣ, въ какомъ желаетъ авторъ...

— Бываетъ—вставилъ я—что авторы соглашаются на режиссерскія сокращенія и измѣненія, лишь бы пьеса была поставлена...

— Я не о такихъ авторахъ говорю... Бываютъ видъ и авторы, которые соглашаются писать по указанію издателя... Лишь бы ихъ печатали!..

— Бываютъ.

— Но возьмите Шекспира, напримѣръ... Шекспиръ ужъ навѣрное никогда не согласился бы на тѣ измѣненія и сокращенія, которыя дѣлаются обыкновенно часто совершенно невѣжественными актерами въ его великихъ произведеніяхъ!.. Я былъ до глубины души возмущенъ, когда въ первый разъ увидѣлъ исполненіе комедіи „Укроще-

* См. №№ 6353 6354, 6355 „Од. Нов.“.

ніе строптивой“. Забудьте: Петручіо игралъ въ этотъ разъ актеръ интеллигентный, очень популярный; какъ комедійный актеръ, считающійся на русской сценѣ наилучшимъ... И что же: заключительная сцена послѣдняго акта была имъ совершенно вычеркнута... Гастролеръ закончилъ пьесу обращеніемъ къ Катеринѣ: „А теперь—подъемъ снаты!..“ Эта фраза у Шекспира есть, но ея комедія не заканчивается и провозносится она между прочимъ... А актеру угодно было все остальное вычеркнуть и закончить сцену пошлостью... Эффекта ради!.. Если такъ обращаются съ Шекспиромъ, то воображаю, какъ обращаются со мною, напримѣръ!.. У меня эффектово совсѣмъ нѣтъ—но нтъ любой актеръ можетъ сочинять на каждомъ шагѣ...

Я успокоилъ А. П., убѣдивъ его, что съ его произведеніемъ именно въ провинціи относится благоговѣно, и если бываютъ неправильныя толкованія, то ужъ во всякомъ случаѣ „безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія“...

— Вы знаете, меня, одно время, эта проклятая мнительность до такой степени мучила, что я задумалъ было совершенно запереть постановку своихъ пьесъ въ провинціи безъ моего руководства и наблюденія... Но потомъ струснулъ: воображаю, сколько бы по моему адресу посыпалось упрековъ за счетъ, такъ называемаго „презрѣнія къ духовнымъ интересамъ провинціи“. И по зрѣломъ размышленіи я рѣшилъ принести себя въ жертву... Пусть истязаютъ!.. Такова уже доля драматурга...

И по дѣломъ мнѣ: охота мнѣ было ввязаться въ драматическую форму!.. Писать бы себѣ по прежнему повѣсти и былъ бы спокоенъ...

С И Г Ъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ніе строптивой“. Забудьте: Петручіо игралъ въ этотъ разъ актеръ интеллигентный, очень популярный; какъ комедійный актеръ, считающійся на русской сценѣ наилучшимъ... И что же: заключительная сцена послѣдняго акта была имъ совершенно вычеркнута... Гастролеръ закончилъ пьесу обращеніемъ къ Катеринѣ: „А теперь—подъемъ снаты!..“ Эта фраза у Шекспира есть, но ея комедія не заканчивается и провозносится она между прочимъ... А актеру угодно было все остальное вычеркнуть и закончить сцену пошлостью... Эффекта ради!.. Если такъ обращаются съ Шекспиромъ, то воображаю, какъ обращаются со мною, напримѣръ!.. У меня эффектово совсѣмъ нѣтъ—но нтъ любой актеръ можетъ сочинять на каждомъ шагѣ...

Я успокоилъ А. П., убѣдивъ его, что съ его произведеніемъ именно въ провинціи относится благоговѣно, и если бываютъ неправильныя толкованія, то ужъ во всякомъ случаѣ „безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія“...

— Вы знаете, меня, одно время, эта проклятая мнительность до такой степени мучила, что я задумалъ было совершенно запереть постановку своихъ пьесъ въ провинціи безъ моего руководства и наблюденія... Но потомъ струснулъ: воображаю, сколько бы по моему адресу посыпалось упрековъ за счетъ, такъ называемаго „презрѣнія къ духовнымъ интересамъ провинціи“. И по зрѣломъ размышленіи я рѣшилъ принести себя въ жертву... Пусть истязаютъ!.. Такова уже доля драматурга...

И по дѣломъ мнѣ: охота мнѣ было ввязаться въ драматическую форму!.. Писать бы себѣ по прежнему повѣсти и былъ бы спокоенъ...